

Ширвиндт Александр
Анатольевич

17.07.04

Москва, Комсомольская - 2004. 17 июля. С. 3.

ЮБИЛЕЙ

Аркадий Арканов, писатель-сатирик:

— Однажды мы с ним серьезно поссорились. Ну, не ссорились — скорее сделали вид. Около года не разговаривали друг с другом. В этом не было никакой подоплеки — просто гордость не позволяла. И все из-за суедей ерунды.

Раньше мы с Шурой довольно часто ходили на ипподром. И как-то раз договорились сделать ставку на одну лошадь. Шура пошел в кассу, оплатил. Мы сидим на трибуне, переживаем. Удача — наша лошадка приходит первой. Я обрадовался — кучу денег выиграл. И тут выясняется, что Ширвиндт, оказывается, самовольно поставил на другую. Передумал, так сказать, пока шел за билетом. Вот за это я на него и обиделся. Мы же не выигрывали никогда. После того как на ипподроме сделали ремонт, Шура даже пошутил: "Одна из трибун сооружена на наши деньги".

Но самое главное, спустя некоторое время он стал всем рассказывать, что, мол, это я пошел и поменял ставку — все перевернул с ног на голову. Потом я попал в автокатастрофу, лежал в Боткинской больнице. Как-то в моей палате открывается дверь. Стоит Ширвиндт: "В этой палате лежит человек, именующий себя писателем?" Мужики переглянулись: "Вот он, у окна". А Шура продолжает: "Так вот. Этот человек уже год скрывается от уплаты алиментов и называет себя писателем Аркановым. Не верьте ни одному его слову — это аферист". И как мне ни было больно, я стал просто ржать. Он подошел ко мне, и мы забыли эту дутую обиду. Договорились раз и навсегда: когда он рассказывает эту историю — виноват я, когда я — он.

Вера Васильева, актриса Театра сатиры:

— Всегда кажется: если баловень судьбы, остряк, от шуточек которого все со смеху умирают, умеющий обаять, красавец — то вроде как в его психологии должно быть заложено принимать все как должное. Я наблюдала за Ширвиндтом долгие годы. Когда кто-то у нас в театре заболел или когда кого-то мы теряли, он всегда был очень непоказно сострадающим человеком. Этот контраст мне всегда бросался в глаза. И поэтому, когда сейчас Шура занимает такой ответственный пост руководителя нашего театра, прежде всего я ему сочувствую. Это большой груз ответственности: за театр, за каждого артиста. А при наличии не циничного, а доброго, как у Шуры, сердца — очень тяжелая ноша.

Сама я стремилась, чтобы между нами соблюдалась какая-то дистанция. Все-таки он — худрук, я — актриса театра. Но сам он старается, чтобы никто из нас не чувствовал себя в роли подчиненного. Наоборот — дает понять: я все тот же, и вы будьте со мной такими же. Да, безусловно, за последние годы наши с ним отношения немало изменились. Теперь я прислушиваюсь к тому, что он считает хорошим в искусстве, что плохим. Это не означает, что всегда соглашаюсь, но я хочу его понимать. И, мне кажется, понимаю. Не знаю, как для всех остальных актеров театра, но нас с Ширвиндтом связывают колоссальные годы жизни, которые не были омрачены ничем плохим. Поэтому манера общаться остается все той же: он — Шуручка, я — Верочка. А если иногда, входя в кабинет, я говорю: "Александр Анатольевич..." — он сразу же меня обрывает: "Ну Верка, хватит!"

Баловень судьбы. Вальяжный, лощеный. Со всеми без исключения — "на ты". Щеголь, ни на минуту не расстающийся со своей знаменитой трубкой. Блестящий ерник и хохмач, одним лишь словом убивающий соперника наповал.

Скромный. Ранимый. Не терпящий фальши и показухи. Заботливый товарищ. Если друг — то на всю жизнь. А если враг... Впрочем, сегодня не тот случай. О юбиларе — или хорошо, или ничего. Тем более когда говорят друзья. А их у человека-контраста Александра Ширвиндта, который 19 июля отметит свое 70-летие, — превеликое множество. Им и слово.

Левон Оганезов, музыкант:

— Чем он всегда отличался, так это присутствием духа и огромным чувством самоиронии. Никогда не притворяется, ни к кому не изображает повышенного внимания. В секунду понимает, с кем имеет дело. Как-то после концерта к Шуру подошел познакомиться ну очень приятного вида человек. И чтобы привлечь внимание, решил перед Ширвиндтом блеснуть юмором. Какой-то каламбур изобразил — банальный, общепринятый. Шура посмотрел на него и своим несколько ленивым, протяжным баском произнес: "Это шутка, наверное". Человек сразу сник, как будто из него выпустили воздух.

Чего он терпеть не может — это фальши. От друзей особенно. А есть такие компании, где люди говорят какими-то заготовленными фразами, проносят тосты — угадываешь каждое следующее слово. А Шура не выносит тривиальности, потому что сам выражает свои мысли очень кратко и оригинально. В 78-м году, помню, Александр Анатольевич ставил нам с Винокуром первый сольный концерт, в котором мне надо было произнести целый монолог. Мне, до этого никогда не говорившему на сцене. В принципе актерски я мог это делать, но вот что-то застопорилось. Свообразный страх невесты — длится он одну секунду, но это надо пережить. "Шур, слушай, — говорю ему, — а может, как-нибудь так поставить рояль, чтобы меня не было видно?" — "Ага, — говорит, — давай еще из-за кулис... А! Лучше всего — сиди в гримерке. Услышишь реплику Винокура, и сам себе и скажи". Подумал еще немного и говорит: "И вообще, чего это я тебя уговариваю — сломай себе целку сам. Поэтому что никто этой грязной работой заниматься не будет". Но это не цинизм в данном случае, но пошлость — просто такой режиссерский ход.

Михаил Державин, актер Театра сатиры:

— Я знаю Шуру практически с послевоенных времен. Ему было 13, мне — 11. В гостеприимном доме Дмитрия Николаевича Журавлева, замечательного чтеца, всегда собиралась приятная разновозрастная компания — там-то мы с Шурой и познакомились. Очень хорошо помню нашу первую встречу. Он приехал к Журавлевым на собственном велосипеде "ЗИЧ" (завод имени Чкалова). По тем временам роскошь необыкновенная — никто из нас о таком и мечтать не мог. Он поставил свой велосипед в палисаднике около дома, а мы, мальчишки, все любовались на это чудо техники. Кстати, Шура первым из нас приобрел и автомо-

ЧЕРНО-БЕЛЫЙ ШИРВИНДТ

С главного "сатира" сорвали маску

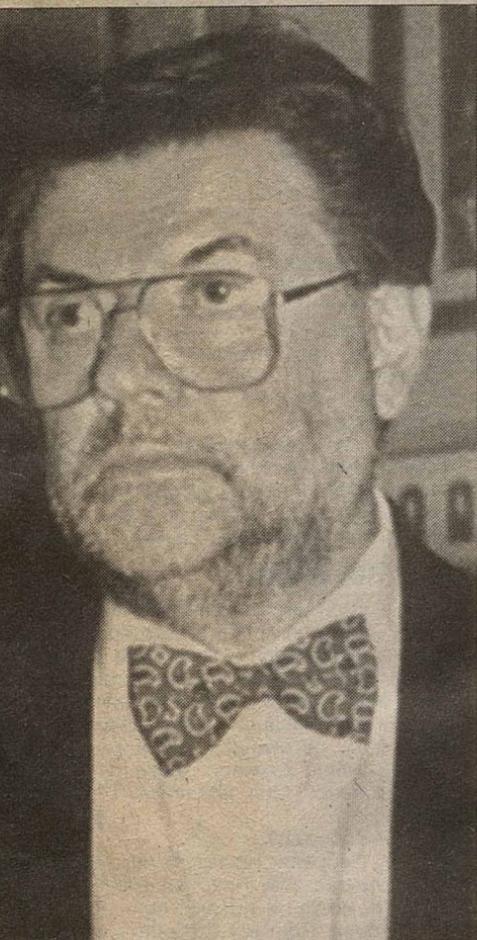
бил. До сих пор помню: "Победа", с номером ЭВ-4451. Шура во всем был первопроходцем. Помню, опять-таки по детству, как я ему завидовал: он так красиво пил шампанское! Нам-то на елку позволяли только лимонад, а этот стоял с бокалом шампанского. Прямо как взрослый. Смотрел на него и думал: "Поскорее бы вырасти — тоже буду пить шампанское".

А теперь Ширвиндт старше меня не только по возрасту, но и по должности. То есть он — художественный руководитель, а я — простой артист. С удовольствием ему в этом подыгрываю. Шура вообще очень мудрый человек — всегда прислушиваюсь к его советам: и творческим, и житейским. А если и делает какое-то замечание, то оно почти всегда точное. И ни в коем случае не обидное.

Работать с ним, надо сказать, — одно удовольствие. Недавно прошла премьера нашего спектакля "Швейк, или Гимн идиотизму", где я выхожу на финальную сцену. То есть момент — наивысший. Когда репетировали, я видел, как он на меня смотрел, как улыбался... Сидит где-то вдалеке мой старинный друг и улыбается — что может быть дороже.

Юрий Нифонтов, актер Театра сатиры, преподаватель Шуйкинского училища:

— Александр Анатольевич ставил у нас дипломный спектакль. Начинаются репетиции, а одна девочка-студентка опаздывает. Пять минут

В Ширвиндте есть одно качество, которое мало кто замечает: он очень скромный человек. И вся его якобы ложенная манерность — не больше чем маска. По своей натуре Александр Анатольевич очень добрый и ранимый человек. Я знаю, что ему деньги должны — ну буквально все. Говорит: "Если мне когда-нибудь вернут старые долги, я стану миллионером". И при этом вроде как общается свысока — со всеми исключительно на "ты". И в то же время так привязывается к своим студентам — они для него становятся практически родными. У нас идет спектакль "Слишком женатый таксист" — фактически первая его постановка. Так у Ширвиндта на рабочем столе стоит фотокарточка актерского состава этого спектакля. О чем-то это говорит?

Юрий Васильев, актер Театра сатиры:

— Все, наверное, будет вспоминать какие-то юморные истории, связанные с Александром Анатольевичем, а я скажу, что, когда Ширвиндт стал худруком, он стал еще и очень серьезным и ответственным человеком. Наверное, за долгие годы уже немножко устал поселить. В 10 часов утра — уже в театре. Однажды у нас в театре была такая ситуация, когда сразу несколько актеров оказались тяжело больны. Как-то захожу к нему в кабинет, а он на телефоне: в одном месте достает плазму, в другом — кровь, в третьем — устраивает бесплатную операцию, куда-то нужно подвезать, где-то — концерт дать. И вот этим он занимался полдня.

А два года назад вообще поразительный поступок сделал. У нас в театре началась какая-то необъяснимая полоса неудач: беды — одна за другой. И Ширвиндт, этот абсолютно неверующий человек, пригласил священника, который освятил театр. И, вы знаете, дела пошли на поправку.

Должен признаться, у нас с Александром Анатольевичем особые взаимоотношения. Нас ведь немножечко столкнули, когда он стал худруком. Потому что, по газетным сплетням, я был одним из претендентов на этот пост. Находились даже люди, которые предрекали мне в театре скорую смерть. "Ну все, — говорят, — теперь Ширвиндт тебя уничтожит". Но, во всяком случае, я этого уничтожения ни на секунду не почувствовал. У нас удивительные отношения. И я ему очень благодарен за то, что никакие слухи-сплетни их не разбивают.

Дмитрий МЕЛЬМАН.

Вечные Добчинский и Бобчинский — Ширвиндт и Державин.

Если бы его разыскивала милиция, то задержала бы сразу. И грим с накладными бровями не помог — уж больно выдающаяся фактура. Итак, Александр Ширвиндт.

Особые приметы — высок. Статен. Дородность, породистость и вальяжность срослись в нем, как три сестры, и не кричат: "В Москву, в Москву!". Он сам — давно неотъемлемая часть столицы, Садового кольца и Театра сатиры. Волоок. Взгляд идет медленно, но пробивает насковы; у особо слабых особой ноги сами подгибаются. Но на это он не клюет.

Вообще, если смотреть правде в глаза, то можно сказать, что никакой он не Ширвиндт, а, как заметил его гениальный друг Григорий Горин, русский человек Ширвиндов, работающий в паре с Державиндтом. И своей манерой жить, которую завел давным-давно, оправдывает эту хорошую русскую фамилию.

Во-первых, Ширвиндов из Театра сатиры всем напиткам предпочитает водку. Многим хорошим словам — очень крепкие выражения. Облапошить его ничего не стоит, и он, как простой русский человек, не пойдет искать правды, а махнет рукой, ругнется и выпьет. Ну и наконец, доказательство истинной природы г-на Ширвиндова — великое русское терпение. Когда на сцене или в театре дело не идет, он медленно закипает, но терпит, все реже подает реплики из зала и становится совсем вялым. Но вялый не значит неопасный. В какой-то момент этот вулкан взрывается. Извержение происходит мгновенно и состоит из трех слов — глубоко и задушевно русских: ё.т.м.

Короче, всем ясно, что его краткость — сестра того самого таланта, что сопровождает Александра Ширвиндта всю жизнь. С того момента, как он впервые пошутил, и до сих пор считается самым остроумным мэном Москвы. До первого его выхода на сцену, которая только проявила его яркую и неповторимую актерскую индивидуальность. А именно — породистость, вальяжность, волоокость в сочетании с несуетливым остроумием высшей пробы и парадокса. А парадокс в том, что для героя-любownika Ширвиндт слишком умен, а для характерного типа — слишком красив. На этом "слишком" Александр Анатольевич балансирует, как на натянутой под куполом цирка проволоке. Делает он это эффектно и блестяще.

И все-таки на что клюет Ширвиндт? И чем его можно купить? Хорошей рыбалкой, когда можно с удочкой в руке клевать носом. Ароматным табаком для трубки, коих у него великое множество, а еще — детьми. Вот именно они предательски подрывают хорошую русскую фамилию Ширвиндов, потому что он — настоящий еврейский папа. Любит своих, чужих, независимо от возраста и их места положения. Артисты для него — дети, хотя он и сам — большой ребенок.

Марина РАЙКИНА.